

[Воронский А. К. Литературные силуэты: Демьян Бедный. -
«Красная новь», 1924, № 6, стр. 303-328.]

#_303

А. Воронский.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛУЭТЫ.

Демьян Бедный.

Наша революция - рабочая. Но произошла она в стране, где огромное большинство населения сермяжное. Если вопрос о союзниках пролетариата в переходную пору является одним из самых коренных, то тем более это надо сказать о России. Правда, в силу целого ряда экономических, политических и бытовых условий наше российское селянство неминуемо и неизбежно толкалось к рабочему. Ретроградность отечественной буржуазии, ее прямой союз с помещиками и с царизмом, наличие крепостнических остатков, напряженность классово-пролетарской борьбы во всем мире, война 1914 г., — это и многое иное облегчало русскому рабочему руководство крестьянством, но все же оно было сопряжено с очень большими трудностями. Крестьянство то колебалось вправо и влево, то старалось занять некую нейтральную позицию. "Две души" в крестьянине — собственника и человека труда, помыкаемого из века в век — со всей силой сказались в этих колебаниях. Худо ли, хорошо ли, но содружество рабочих и крестьян осуществлялось в жизни. Наглядное тому доказательство — провал интервенции, блокады, белых армий, махновщины; республика советов не могла просуществовать семь лет без этого содружества. Конечно, это не значит, что задачу сожителства двух трудовых классов можно считать решенной: в различные этапы революционной борьбы за всесветное утверждение пролетарской диктатуры возникают новые затруднения в зависимости от изменяющейся международной и внутренней обстановки.

По силе сказанного у нашей революции есть свое особое лицо. В ее рабочем лике явственно проглядывают черты крестьянского обличия. У нее крутой, упрямый, твердый лоб и синие, полевые, лесные глаза; крепкие скулы и немного "картошкой" нос; рабочие, замасленные, цепкие, жилистые руки и развалистая, неспешная крестьянская походка. От нее пахнет смесью машинного масла, полыни и сена. Она заводская, но ее заводы — в бескрайних просторах степей, равнин, в лесах и перелесках, в оврагах и буераках. У нас рядом, бок-о-бок: заводская труба, каменные корпуса и лесная глухомань, идущая из таежных нетронутых мест, от могучей тайги, где мрак и

тишина первозданная, непробудная и пока все еще не рушима. У нас поля наступают на заводы, и дерево господствует над бетоном и сталью. Наши города затеряны в гигантских зеленых и белых пустынях.

Лик революции нашей складывался из взаимодействия двух основных движущих сил: одной — рабочей, упорной, осознанной, уверенно идущей к намеченной цели, дисциплинированной и сжатой в крепкий стальной кулак; здесь элементы положительного построения нового будущего общества всегда имели преобладающее значение, — конечная цель никогда не упускалась из виду, не застилалась, не меркла пред глазами, всегда была осязательна, видна, как блаженная страна "там за далью непогоды", не разменивалась на мелочи, на пустяки; другой — стихии крестьянско-бедняцкой, страшной и беспощадной в своей лютой ненависти к захребетникам, судорожно тянущейся к земле, как тянется с пересохшим горлом жаждущий к воде, — но ограниченной в своем размахе идеалом свободного от всех налоговых и политических пут мелкого собственника, сторожкой и недоверчивой, тугой к восприятию заповедей, начертанных на новых красных скрижалях. Предоставленная самой себе крестьянская стихия поднималась до революционной партизанщины, до "волчьей" свирепой борьбы с белыми армадами, но легко выдыхалась, распадалась и рассыпалась, как бочка, с которой сняты обручи. Только скованная пролетарскими обручами она, стихия эта, получала надлежащее оформление, закалку и отшлифовку, становясь грозной для мира угнетения и надругательства человека над человеком.

Так складывалось, формировалось "лицо" нашей революции. Ее образовала социалистическая борьба рабочего класса, соединенная с таким (и далеко не всяким) крестьянским движением, которое подпадало под руководство пролетариата и его авангарда и в свою очередь окрашивало в крестьянские цвета борьбу городских рабочих за торжество его исконных целей.

В поэзии это пролетарское лицо русской революции, но с ее крестьянским обликом отразил, как никто иной, Демьян Бедный.

I.

Известна та исключительная роль, которая выпала на долю стихов Демьяна Бедного в годы революционной борьбы. Его басни, частушки, песни проникали в такую толщу народных масс, о которой не мог мечтать ни один русский писатель. Его "все знали": на каждом заводе, в любой красноармейской части, в глухих селах и деревнях. Его читали красные, белые, зеленые. Обо всем этом, впрочем, писалось вполне достаточно. Гораздо целесообразнее поэтому остановиться на другом моменте. Популярность Демьяна Бедного, разумеется, зависит от свойств его таланта, но сами эти свойства оказались столь действенными в огромной мере лишь потому, что получили надлежащее направление. Демьян Бедный очень верно, точно и своевременно увидел, что наша пролетарская революция имеет крестьянское обличье. У нас было немало, так называемых, индустриально-производственных

поэтов. Русскую революцию они изображали как торжество железа и бетона. Страна и даже весь космос превращались ими в один огромный сплошной Завод с большой буквы. Делались даже попытки, на словах конечно, поставить живого соловья чучелом на полку, заменив его стальным соловьем. Это была упоительная индустриальная романтика, рожденная октябрем, но далекая от реальной жизни и нашей российской действительности. Естественно, что во дни Нэпа писатели-индустриалисты скоро вступили в полосу острого поэтического кризиса, неизжитого и доселе. В силу этой же отвлеченности литература индустриалистов не получила широкого распространения, оставшись достоянием литературных групп и кружков. Другая часть писателей не только не была заражена индустриализмом, но, наоборот, художественное свое внимание сосредоточила на нашей якобы исконной мужицкой стихии. Отсюда: скифство, преклонение пред русским лаптем и тараканом, затхлый националистический душок, планетарное бунтарство, беспредельный и безбрежный максимализм, которому ближайшие цели, поставленные авангардом пролетариата, казались низменными, узкими. Это была тоже романтика, рожденная революцией, но тянувшая назад к бунтам Пугачева и Стеньки Разина, либо к интеллигентскому неприятию мира. Социально-политический смысл ее заключался в противоборстве пролетариату, стремившемуся революционную стихию ввести в намеченное русло. Романтика мужицкой стихии тоже была абстрактна до конца. Кризис этого литературного направления начался давно, с 1918 года, как только стало обнаруживаться, что русский рабочий должен был во что бы то ни стало подчинить и организовать крестьянскую стихию. Всем памятна трагедия Блока, оставившего чудесный памятник, поэму "Двенадцать". В последующие годы Блок перестал слышать "музыку революции": он воспринял революцию, как вечно-бушующий разлив, и не мог принять ее, когда "огненного коня" взнуздали жестокая рука коммуниста. Нэп и окончание гражданской войны, внесшие сначала большое оживление в это направление, своей трезвенной деловитостью по существу, однако, были враждебны этой романтике, что не замедлило скоро обнаружиться, пример чему хотя бы Борис Пильняк, уже давно покинувший свою допетровскую Русь и ищущий выхода в союзе остатков прежней интеллигенции с коммунистами на почве борьбы с русской отсталостью, с некультурностью, грязью и Азией.

Демьян Бедный не пошел ни по тому, ни по другому пути: ему остались чуждыми и романтика индустриализма, и романтика "бушующего разлива". В подходе к русской революции он остался марксистским реалистом. Он ни на миг не забыл, что диктатура пролетариата осуществляется в стране, где фабричных труб неизмеримо меньше, чем деревенских колоколен, что без крестьянина русский рабочий неминуемо придет только к поражению. Он знал также и то, что далеко не всякое крестьянское движение полезно пролетариату, что мужицкая стихия положительна только до известного предела, что в крестьянине сидит прочно "душа" собственника, что он темен, забит, неграмотен. Зато голос мужика, живущего вечно в кабальном труде, поэту близок, понятен, сродственен.

Творчество Демьяна Бедного несомненно своими корнями уходит в мужицкую почву, в чернозем. У него очень много от мужика. Недаром он говорит о себе: "с мужиками - мужик по-мужицки беседую". Или:

В печальных странствиях, в блужданиях по свету
Я сохранил себя природным мужиком...

...Мой ум мужицкой складки...

Это - не уловка опытного поэта-агитатора, подделывающегося под крестьянина, а выражение его настоящих дум, настроений и чувств. В центре поэтического творчества Демьяна - пролетарская революция, но упершаяся в мужика. Поэтому можно сказать, что в известном ограничительном смысле главным героем в произведениях Демьяна Бедного является мужик. К мужику ведет прошлое поэта. Он вспоминает избу, поле, ковригу хлеба, ночное, продувного приказчика Мину, барского выездного лакея, господскую елку, на которую к барчукам "допускают" деревенского мальчугана и великодушно награждают хлопущкой, но с барским нравоучением: "Вот растите дикарей: не проронит слова". Это в гостях, а дома:

Попрощались и домой.
Дома пахнет водкой.
Два отца - чужой и мой
Пьют за загородкой.
Спать мешает до утра
Пьяное соседство...

Незабвенная пора
Золотое детство...

Деревенское безземелье, обездоленность, убогость и сирость, нищету, разорение, голод, казарменную муштровку "серой скотинки", жадность мирских захребетников, издевательство и помыкательство крестьянином со стороны извечных деревенских ворогов - помещиков, урядников, кулаков - Демьян воспринял не со стороны, не из книг и не по наслышке, а натурально, как бытовое, пережитое.

По-мужицки Демьян ненавидит "бар и господ" ненавистью яркой, тяжелой, черноземной, низовой, жгучей, густой, по-мужицки ядреной, выношенной в ярме и в унижениях, скопленной веками. Кажется порой, что поэт задыхается от нее, ищет слов, самых крепких и выразительных. Оттого он не устает звать бедняков "завинчивать покруче гайку" и выкорчевывать "все корни злые, все, со всею мусорной травой, налечь и прижать вампиров и богатеев так, чтоб им дыханья не было, чтоб жирная, да толстая кишка их сразу лопнула". Для господствующих классов у Демьяна есть свои любимые слова и определения: "гнусные гады", "злой вампир", "гады, охрипшие от воя", "издыхающая гадина", "холуи", "прохвосты важные, прохвосты рядовые", "лакированный бандит", "жеребьячьа порода", "сволочь митрофорная и

рясофорная", "антихристы долгогривые" и т. д. Звучит это не совсем эстетично, но крепко и решительно. Его ненависть примитивна, но цельна, полнокровна

#_307

и беспощадна. Это - не розовая водичка, что течет в жилах "культурных", "цивилизованных", квалифицированных западно-европейских эсдеков, до сих пор поддерживающих Вандервельде, Шейдемана, Макдональда, являющегося предметом долгих и напрасных вожделиний со стороны наших меньшевиков и кадетов. Там тоже речи и слова об иге капитала, о светлом идеале социализма, об угнетении трудящихся, но все это прилизано, приглажено, приутюжено; и в помине нет ни "гадов", ни "сволочи". Опытные вожди - Макдональды - все это вымуштровали в легализме, в парламентах, в стачках, "законных" и не угрожающих общественной безопасности, на митингах и собраниях с резолюциями протеста и с дружными голосованиями. Разумеется, и там бывает "всякое", бывают сюрпризы, но это со стороны тех, кто не пользуется подачками от преизбытка, добываемого где-то среди чернокожих, краснокожих, среди грязных колониальных илотов. "Гады и сволочи!" Конечно, они эксплуататоры, но без колоний нельзя, нельзя и без капиталистических руководителей. А раз так, следует вести себя "культурно": в хорошем обществе — хороший тон и хорошее обращение. Порядок "культурный" как будто колеблется, но он еще крепок, его надо поддержать, а то придут те, илоты, и отечество будет попрано дикарской пятой.

В стихах Демьяна, в его "некультурной" ненависти к командующим классам — не розовая вода, а липкая, жаркая, почти черная от густоты, кровь трудового человека, угнетаемого в колониях, где к своему нестерпимому национальному гнету прибавляется иной, иностранный, империалистский. Она течет в русском мужике, в рабочем, в индусе, в персе, в негре, в китайце. Это она окрашивала обильно мостовые, окопы, поля, пропитала собой камни тюрем и каторг, углы и подвалы. Это она подступает к сердцу, судорожно и бешено бежит по жилам, приливает багрово к лицу и водит рукой и сочится на бумагу огненными буквами, в которых отсвечивают пожары и гибель дворянских гнезд, полыхающие зарева крестьянских восстаний и сухие, жаркие вспышки выстрелов восставших синеглазников и румяные краски новой встающей зари.

Гнев и ненависть Демьяна — наши, большевистские, партии, отразившей думы и чувства самых угнетенных, самых закабаленных, самых "черных" людских многомиллионных масс. Ее заряды полновесны, они расходуются давно, но их еще хватит, ибо противоборствующий мир эксплуататоров еще стоит, и необ'ятен и неисчислимы, как песок морской, другой мир — угнетенных. Именно эти крепкие и насыщенные чувства создали особый тип русского революционера подпольщика-большевика с его решительным и огромным революционным размахом, со стойкостью, с безоговорочностью, с активностью, с чуткостью жизни трудящихся, с умением учить и учиться у них — особый тип в отличие от узкого тред-юнионистского практика Англии, партийного оппортунистического шейдемановского дельца Германии, парламентского красная Франция.

У Демьяна эта ненависть - мужицкой закваски. Он о себе любит говорить, как о мужике. Но этот мужик прошел очень длинный и извилистый путь. Он побывал в школе, в университете, пообтерся в городе, пока не попал в большевистскую подпольную среду.

Поблуждал я, побродил путями разными,
Соблазнялся я не малыми соблазнами,
Соблазнялся, ошибался, горько каялся,
Поднимался, снова падал, снова маялся.
Долго шел, пока, презревши славу тленную,
На дорогу я не вышел вожделенную...

В другом месте поэт пишет:

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем оглядки...
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выравнить мой путь по маяку свободы.
Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого, и свято,
Как обветшалый хлам, я выбросил за борт.

Мужицкая "складка" в новой среде сохранилась в своей интенсивности и получила отшлифовку. Поэт знает меру. Ему чужда месть во имя мести, расправа для расправы. Он зовет к борьбе, а не к мести, к победе, а не к утолению озлобления. По поводу крестьянских самосудов на Украине над духовенством, Демьян, не знавший пощады в обличениях "антихристов долгогривых", увещевает крестьян:

Умейте отличить, друзья, борьбу от мести.
На месть жестокою способны богачи, —
Но мы — борцы, не палачи, —
У них оспаривать такой не станем чести...

Мужицкая складка сказывается у Демьяна Бедного и тогда, когда он показывает будущую жизнь в социалистическом обществе. Он знает: "где топь болотная была, дорога ляжет, как стрела, стальная ляжет колея", но он не заливает страну бетоном, не заковывает ее в сталь. Он крепко помнит деревню, всю необъятную, могучую ширь наших полей, их неиссякаемую и благотворную прелесть; ему близки затаенные думы крестьянства о вольной безбедной жизни в зеленых просторах:

Крестьяне, сбросив сон былой,
Всех трутней выгонят долой,
Лачуги дымные снеся,
Деревня вырядится вся.
Пред каждой новой избой

Балкончик выведет с резьбой,
Настанет ночь, - забружет в ней
Свет электрических огней.

"Балкончик выведет с резьбой" — это целиком от деревни. Поэт остался верным чутью реальной действительности и, конечно, его думы о будущем

#_309

вполне и целиком совпадают с коммунизмом, в котором индустриализм не ставит на полку живого соловья. Резной балкончик деревни еще очень долго будет уживаться с асфальтом и с корпусами, а живой соловей, надемся, не переведется долго у нас.

Поэзия Демьяна счастливо сочетает в себе "мужицкую складку" с волей, с умом и упорством рабочего. Ненависть к барству, практическая сметка, чувство реального и конкретного, ощущение "горя-злосчастья", стоящего за спиной - это от мужика. Воля к борьбе до конца и к победе, твердая вера - надежда в счастливый исход этой борьбы, сознание, что город и фабрика несут с собой освобождение закабаленному труду, что свет электрических огней разгоняет деревенскую темь, а стальная колея приобщает деревню к культуре, - это от рабочего, от той великой социальной войны, что ведется им во всем мире. Соединение того и другого дало возможность поэту понять и художественно воспринять национальный, наш, особенный лик революции, а это открыло ему двери к миллионам новых читателей.

II.

Обращает на себя внимание исключительная, сгущенная социальность поэзии Демьяна Бедного. Он "сплошной" гражданский поэт. В этом Демьян последовал примеру лучших наших писателей классического периода, благотворное влияние которых на себя он отметил в стихотворении "Горькая правда":

Но смутная душа рвалась на свет дневной,
Больней давили грудь извечные вериги.
И все заманчивей вскрывали предо мной
Родных писателей возвышенные книги.

"Личных" стихов у Демьяна почти нет. Его творчество растворяется в общественной жизни. Такого общественного поэта русская литература не знала. Деревенское житье-бытье, гнет помещика, чиновников, духовенства, мироедов, классовая борьба городских рабочих с царской опричниной и с капиталистами, смертные казни, героические усилия партии большевиков и рабочих в условиях царского режима создать свою легальную газету, империалистская война 1914 года, февральская революция, борьба с керенщиной, миллюковщиной и корниловщиной, октябрьские дни, гражданская война, дезертиры и снова деревня, деревня, деревня, - разве легко перечислить эти сотни басен, сказаний, частушек, песен, повестей, то гневных, то обличительных, то уговаривающих и раз'ясняющих, то злых и ядовитых, то добродушно-подсмеивающихся, но

всегда направленных к одной цели, чтобы из неслыханных трудностей гражданской войны и разрухи Советская власть вышла победоносной.

Стихи Демьяна не только общественны, но и злободневны. Они следуют по горячим следам событий. Они — своеобразная летопись наших дней. Перечитывая их, читатель наглядно воспроизводит этап за этапом, год за годом, месяц за месяцем величественной и кровавой революционной эпопеи. Личность писателя - перед читателем и в то же время ее нет: свои общественные чувства, настроения, думы поэт подчеркивает со всей силой, но

#_310

круг узких индивидуальных переживаний закрыт перед читателем, оставлен в тени: любовь и смерть, потаенные радости и горе и т. д., что обычно стоит в центре художественного творчества поэтов-индивидуалистов, в стихах Демьяна Бедного отсутствуют. Там и сям поэт напоминает о себе, но для ради шутки, иногда для нужд "гражданского" порядка:

И все ж коль мне Ильич, порою
Встревоженный моей "игрою",
Грозит в окно: "смири свой нрав!",
Он, как всегда, я знаю, прав...

Дело, однако, нельзя представлять себе так, что личными мотивами поэт беден. Вероятно, при доброй воле Демьян мог бы в этой области развернуть, как у нас любят теперь выражаться, довольно широкие полотна. Но, по твердому мнению поэта, не об этих узко-индивидуальных мотивах надо поведать теперь читателю. Поэтическое произведение, как и человеческая личность, выкристаллизовывается в результате столкновений и подчас жестокой борьбы разных, сплошь и рядом противоречивых и взаимно-уничтожающих эмоций. В необычайном для общего характера поэзии Демьяна стихотворении "Печаль" немного приоткрывается художественная лаборатория поэта. Вспоминая о только что виденном глухом заброшенном полустанке, о мокром от дождя окне, о рваном красноармейце, о голодной гадалке, Демьян Бедный пишет:

Колеса снова застучали;
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу;
К чему? Я сросся с бодрой маской
И прав, кто скажет мне в укор:
Что я сплошную красной краской
Пишу и небо, и забор...
...О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору,
Все, что идет тогда на ум.
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,

В чьем сердце - траурные краски,
Кому все светлое - обман.
Не избалован я судьбою:
Жизнь жестоко меня трясла -
Все ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но полустанок захолустный;
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный, -
Все у меня нейдет с ума.
Дождем осенним плачут окна;
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна

#_311

Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно:
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль.

Поэт обязан быть искренним, быть самим собой. Трафарет и шпаргалка приводят только к смерти дарования и к административной литературе. Быть искренним, однако, отнюдь не обозначает того, что художник должен "без разбора оправлять все, что идет тогда на ум". Поэт "оправляет" основные мотивы своего творчества, основной характер своих эмоций. Для такого обнаружения он обязан отделить шлак, наносное, случайное, второстепенное, противоречащее этому основному. Найти самого себя, выбраться из ухабов противоречий дело подчас очень трудное и не всякому посильное. Во всяком случае поэтическое произведение не является складом, куда сваливается все в одну кучу.

Для Демьяна задача художественного познания самого себя облегчалась не только наличием благоприятных, общих, бытовых и культурных условий, но и его личным складом. Примечательно, что даже в этом "интимном" стихотворении о своей печали он вспоминает прежде всего грустного красноармейца, голодную гадалку, ложь и тьму...

Одно время у нас в литературе было немало разговоров об индивидуализме и коллективизме. Предполагалось, что вместо старой буржуазной литературы, проникнутой индивидуалистическим началом и отошедшей в область прошлого, новая пролетарская литература в основу свою должна положить принципы коллективизма. Как, однако, реально, практически проводить в искусстве этот коллективизм, никто путем из пролетарских художников не знал. Чаще всего сторонники пролетарского коллективизма проповедывали растворение человеческой индивидуальности "я" в "не-я", в коллективе, в космосе. Такая проповедь была в сущности чужда коммунизму, который стремится разрешить противоречия между обществом и личностью путем роста и гармонического сожительства и взаимодействия, а не путем уничтожения одного из антагонистов. Сквозь видимую революционную внешность и фразеологию в таком "коллективизме" просвечивала сирость

человеческой личности, пытающейся убежать от самой себя и раствориться в пантеистических настроениях, попытка уйти в надзвездные края от реальных боевых задач дня и от конкретного людского трудового коллектива. И нетрудно было заметить, что мы имеем здесь дело с простой перелицовкой старых буржуазных, анти-марксистских воззрений, в свое время усиленно пропагандировавшихся нашими махистами и М. Горьким (см. его "Разрушение личности", "Исповедь"). Шуму о коллективизме было много, но толку получилось мало уже по одному тому, что трудовым массам этот коллективизм оказался чуждым и "заразил" только литературные верхушки.

Демьян Бедный тоже коллективист, но он не ловил сомнительных журавлей в небе, а со своей мужицкой складкой и сметкой ограничился синицей в руках. Его "коллективизм" новых неслыханных и невиданных америк не

#_312

открыл и выразился в том, что он свое дарование пропитал пролетарской общественностью, отдал его на служение конкретным боевым стремлениям пролетариата, его классовой борьбе.

Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой.
Ты мне один судья, прямой, нелицемерный;
Ты, чьих надежд и дум я выразитель верный;
Ты, чьих углов я - пес сторожевой!

В другом месте:

Я горд был тем, что шел с народной ратью в ногу,
Деля с ним жребий боевой;
Его печаль и скорбь, и радость и тревогу...

В этом гораздо больше подлинного, живого, жизненного здорового коллективизма, чем в отвлеченных блужданиях от планетарного космизма и разрушения личности к пресловутым "массовым действиям", нашедшим свое выражение, между прочим, в хоровом чтении стихов (скажите — какое новшество!). На наш взгляд это единственно верный коллективизм — отдать свой талант, свои способности трепетным нуждам эпохи, живому и горячему людскому трудовому потоку и в этом смысле слиться с ним. Тут — вольная широкая дорога к живой жизни, а не тихие тинные заводи кружков, кружечков и стойла.

Пришлось слышать возражения: "Очень может быть, что народу нужны художники-популяризаторы и агитаторы, как нужны ему ученые-популяризаторы и политические "районные" пропагандисты. Свести к этому поэтическую деятельность нельзя. Ее основная задача — в художественных открытиях; Демьян очень нужен и полезен, но навязывать его художественный путь, значит сводить искусство исключительно к тенденциозному творчеству и художественной популяризации".

Правда то, что Демьян — агитатор и что он тенденциозен. Но за всем тем никто не доказал, что в его стихах помимо агитации нет художественных

открытий. В стихах Демьяна Бедного встает тип нового человека, героя нашего времени, употребляя выражение Тэна, господствующий тип эпохи. В годы эти вырос и сформировался в кое-каких существенных чертах своих новый человек. Одно из самых главных свойств его заключается в насыщенности личности общественно-трудовым, народным. Личность ушла в борьбу, напитала и напоила себя социальностью; подавила, отодвинула на задний план узко-индивидуальное, — вернее, индивидуальность стала проявляться в исключительной гражданственности. Вся воля сосредоточена на одном, в одном: просветить, поднять угнетенные массы на врагов, победить, укрепить победу. Это — не аскетизм, не жертвенность и самоотречение, не подвижничество, а естественное, натуральное, ибо такова температура, среда, почва. "Температура" нашей эпохи такова, что новый тип человека, "зараженный" новой трудовой общественностью, так же естественно должен проявляться, как произрастает лес такой-то породы и известном поясе и на известной почве;

#_313

это - эпоха социальных революций, классовой напряженнейшей борьбы угнетенных, мертвой хватки, когда с поля сражения уходит только один. В это грозное время, как никогда, требуется особый воин, особый солдат эпохи. Он - всегда воин, всегда на часах. Он не демобилизуется, его отдых случаен и непрочен. Он всегда находится в массах, с массами. Он с ними в окопах, в блиндажах. Он должен развить в себе презрение к смерти. Он должен свое интимное личное так слить с общественным, чтобы оно не мешало в походной боевой жизни, должен брать легкую личную поклажу и иметь все боевое снаряжение; он должен хотеть до конца, упорно, без оглядки и опаски "хотеть и среди страданий крестных даже, в минуты скорби и тоски предсмертной"; он должен чувствовать себя в старом обществе, как во вражеском стане, чувствовать себя в нем лазутчиком. Он должен уметь ненавидеть старый мир, как своего личного врага, он всегда готов. Он не имеет "дома": "не имамы zde пребывающего града, но грядущего взыскуем". Такой тип свое наиболее полное воплощение нашел в русском профессиональном революционере. Творчество Демьяна Бедного отразило некоторые свойства этого типа: его пролетарская гражданственность, его ненависть к врагу, его агитационная упористость, умение подойти к массам, воля и уверенность в победе, - это черты нашего большевистского подполья и в то же время поэтический отзвук сгущенной социальной атмосферы современности и показатель того, что делалось за эти годы в недрах миллионов рабочих и крестьян, восставших и впервые начавших побеждать. Поэтому стихи Демьяна несомненно "прибавляют" нечто весьма важное.

"Гражданская" общественная струя была очень сильна в нашей прошлой отечественной литературе и, как упомянуто выше, творчество Демьяна Бедного находится в прямой связи и зависимости от лучших образцов этой прошлой литературы. Но, во-первых, такой общественной нагруженности и насыщенности, какие мы видим у Демьяна, раньше не было в литературе. Гражданскими мотивами прошлый поэт обычно не исчерпывался; даже у Некрасова, даже у Успенского всегда оставались уголки для узко-личного. Во-вторых, и самое главное, на произведениях их неизгладимо все-таки ложился отпечаток резиньяции, тяжких раздумий, чувства вины пред народом, покаяния,

бессилия, безвыходности, иногда пессимизма и всегда некоей разобщенности и обособленности от народа. Творчество Демьяна Бедного - боевое, воинствующее, гневное, уверенное, бодрое. Оно идет с низу, от масс, связано с ними органически. Все точки поставлены: известны друзья, известны враги. Он - трубач борьбы и победы.

Демьян Бедный начал свою литературную деятельность в эпоху, когда общественная реакция, наступившая после 1905 года, была еще очень сильна; в литературе царил самая мрачная анти-общественность: и крайнее ячество, эгоцентризм, смердяковское гребкопательство, мистицизм; хорошим тоном считалось издевательство над революцией и революционерами; честность с собой понималась, как освобождение от общественных обязанностей и т. д. Пролетарская гражданственность Демьяна Бедного была прямым протестом

#_314

против этого художественного солипсизма; она выводила "музу" из мрачных и сырых подвалов, где прозябали без солнца, может быть, и нежные, но хилые и хрупкие поэтические растения-одиночки, на широкие и вольные просторы, к полям и степям. Там растут простые цветы, но обласканные солнечным теплом, обвеянные свободными ветрами, там открываются наши бескрайние дали, встают росные, благоуханные зори, стоят благословенные леса и кипит животворный, созидательный труд, древний, как небо и звезды, и единственно бессмертный на земле.

У Бальзака в романе "Шагреневая кожа" знаменитый писатель Каналис на оргии поэтической челяди восклицает: "От вашей дурацкой республики меня тошнит! Нельзя разрезать каплуна и не найти там аграрного закона!". У нас было и есть еще не мало таких Каналисов: их тошнит и от "дурацкой республики", и от гражданственности стихов Демьяна Бедного. В этом нет ничего удивительного: и республика, и стихи Демьяна в самом деле неблагоприятны в отношении аграрных законов и очень многих лишили каплунов. Ничего не поделаешь.

III.

Стихи Демьяна также - прекрасный и наглядный показатель неимоверного сверх-человеческого напряжения и упорства, какие обнаружил русский рабочий и его авангард в годы гражданской войны. Из дня в день, из месяца в месяц Демьян "долбит" об одном и том же, сочиняет басни, стихи, частушки, поэмы, эпиграммы, - агитирует, раз'ясняет, негодует, опасается, надеется, высмеивает. Он вращается в кругу одних и тех же чувств; он не оглядывается по сторонам, не знает устали, не может успокоиться, ему не надоедает свой любимый "конек". Излюбленные темы для него навсегда свежи и животрепещущи, всегда занимательны.

Еще свежо это памятное время. Деникин стоял у Тулы, Юденич - у Петрограда, Колчак был в Сибири, а в городах сидели без хлеба, и заводы давили своим каменным молчанием. Тогда у нас был один "текущий момент", и мы, коммунисты, говорили все об одном и том же, были одержимыми, все повторялись, все долбили, вдалбливали, бросали лозунги, переламливали опасные настроения, вращались в кругу одних и тех же мыслей, неотвязных и простых, настоятельных, как живот и смерть. Казалось: вот тратятся последние

силы, дрожат последние фибры, но есть надо всем один железный закон революции, и он требовал все новых усилий, еще, еще, опять, снова. Да, тогда отдавали все для победы и побеждали, потому что были "однобоки", упорны, что повторялись и повторяли. Теперь куда как легко говорить об этом "долбеже" "текущего момента", особенно тем, кто стоял в стороне или спиной к грозным величественным дням, кто прятался в укромных углах от огненного вихря и океанского шторма, закрывши и занавесивши окна и заложив уши ватой. Для нас в этих "повторениях" одного и того же - незабываемое, понятное, повелительно-необходимое, героическое, своя музыка, дорогой символ нашей воли к победе, готовности биться до последнего дыхания.

#_315

Демьян Бедный повторялся в своих стихах, как "повторялась" вся наша коммунистическая партия, как "повторялась" вся революция. Но свою долбежку Демьян умел бесконечно варьировать, и в этой его способности сказались вся широта, разнообразие и гибкость его таланта. Не повторяться он не мог: задача сводилась к умелым и свежим вариациям и к тому, чтобы найти самые слабые места и во-время на них обратить внимание. Черпая щедрою рукою из народного творчества, из сокровищницы отечественной литературы, из образцов революционной поэзии, Демьян умел хорошо повторяться. Разнообразие ритма, сюжетная изобретательность, меткий неожиданный оборот речи, внезапность заключения, здоровый, грубоватый юмор, реальное чувство окружающего, народность, знание быта, простота, легкость и образность языка помогали поэту разрешать труднейшую задачу.

В "повторениях" Демьяна нашла выражение вся недавняя напряженность момента и наших усилий. Особое внимание приходилось уделять крестьянину, который колебался между реакцией и революцией. И Демьян ни на миг не забывал о мужике, не только оттого, что был сам мужицкой закваски, но еще больше потому, что верно оценил, какое огромное значение имел для революции вопрос о поведении трудового крестьянства. Хотя выше уже отмечалось, какое место занимает мужик в поэзии Демьяна Бедного, но следует на этом остановиться несколько подробней, ибо ни в чем в поэзии не обнаружилось так ярко и полно вся трудность положения молодой республики, вся неизмеримость и безмерность усилий ее и воли ее к жизни и к победе, как в стихах Демьяна о мужике.

Демьян хорошо прощупал природу нашего крестьянина, шаткость и двусмысленность деревни в отношении к новым порядкам:

Ночь мужик ровно в лесу:
Ковыряется в носу,
Глянет вправо, глянет влево:
"И куда итти мне, право?
Эх, присяду на пенек,
Пережду какой денек.
Пусть Кузьма пути поищет".
Сел мужик на пень и свищет,
А Кузьма тому и рад:
Поворачивай назад.

Даже когда мужик слышит победный клич и видит, что "гадов немые туши" лежат поверженными под ударами "бойцов в одеянии красном", он хочет и не может проснуться, не может освободиться от злых чар прошлого. В жутком стихотворении "Когда же он проснется" мужик стонет во сне:

Я встать хочу, хочу рвануться,
Хочу рвануться,
Хочу кричать, хочу проснуться!
Я не могу проснуться!!
О-о-о-о-й!

Но мешают не только злые чары прошлого, но и жадность собственника. В революцию жадность одолела деревню, когда трудно и туго пришлось

#_316

городам. В стихах "Старым людям на послушание", писанных в 1919 году, поэт говорит мужикам "напрямик":

Сам заправский я мужик,
Я скажу вам напрямик:
Вами жадность овладела,
Нет для вас милее дела,
Как хоть с нищего "сорвать".
(Правды незачем скрывать.)
Нонче все вы нос дерете,
"Городских" за грудь берете:
"Как таперь мы все равны,
То... сымайте-ка штаны!"

Октябрьская революция отдала крестьянам барскую землю. Ерема и Фока землицу прибрали к рукам и этим остались много довольны; но революция требует и тягот, жертв, закрепления завоеванного, а Еремы и Фоки "устали":

Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него - назад оглядка,
Он устал от "беспорядка":
Не дают ему жевать
То, что он успел "урвать".
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него - "Иван-дурак"!

Добрая часть этих "Ерем" выбивается в новых живоглотов:

Мироед - не только старый,

Старый - зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей -
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил - тут же с рук сбывал
Да карманы набивал!..

Эти стихи о росте новой деревенской буржуазии не потеряли своей злободневности и по сию пору; даже, наоборот, Нэп придает им особую зловещую остроту, ибо вопрос о ножницах далеко еще не снят и не разрешен. Задача Демьяна, заданная ему партией, сводилась к тому, чтобы нейтрализовать по крайней мере середняка и объединить бедноту и батраков против Ерем, и вот поэт из стиха в стих разъясняет крестьянину смысл октября и ведущейся гражданской войны, почему деревня должна дать хлеб, что будет с ней, если победят белые, если придут иностранные порабитители; он издевается над попами, над дезертирами и мироедами, над суевериями и предрассудками; он старается пребороть пассивность деревни и ее оглядку. И поэт знает, куда и как ударить, какой круг чувств вызвать в крестьянине.

#_317

Знание деревенского быта, чистота и простота языка дают в его, поэта, руки превосходное оружие. Но самое главное - в способности поэта подойти к трудовому деревенскому человеку запросто, по-дружески, потоварищески:

Держись, Федотушка. Без дива
Тебе равно ведь пропадать!
Федотушка, держись! Не заражайся страхом!
Ни пред хлыстом, ни пред крестом!..

"Держись, Федотушка", это - преобладающий тон стихов Демьяна, обращенных к деревне. Поэт действительно по-мужицки беседует, убеждает, уговаривает. Он не стесняется сказать мужику правду о жадности, о пассивности, не подкрашивает, не подсахаривает его по примеру эпигонов народничества, но и не относится к нему, как к серой скотинке. Он неизменно напоминает о его нуждах, кровных, деревенских, и это делает его стихи близкими и родными деревне.

Демьян верит в победу, в то, что "Федотушка", в конце концов, будет "держаться", но в каждой строке - острая наблюдательность, вопрос, революционное беспокойство, учет невероятных трудностей. Путь еще длинен, изрыт рытвинами и ухабами; поклажа тяжелая, а телега крестьянская поскрипывает и тарахтит.

IV.

Лучшее у Демьяна - несомненно басни. В них талант его развернулся наиболее естественно и свободно. Как баснописец, Демьян Бедный вполне классичен. Такие вещи, как "Азбука", "Кларнет и Рожок", "Выродок", "Гипнотизер", "Звонок", "Затейник", "Анчутка-Заимодавец", "Муравьи", "Когда

наступит срок", "Ловля гусей", "Питомник", "О дохлой кобыле", "Молодняк", "Кровное", "Ослы", "Кукушка", "Клоп", "Куры", "Поют", "Пирог, да блин", "Ключ бездны", переводные басни Эзопа, останутся образцовыми и должны быть включаемы в революционные хрестоматии и сборники. Сюда же должны быть отнесены предания и сказания: "Проклятия", "Собачья доля", "Хозяева честные", "Болотная свадьба".

В баснях Демьяна больше обнаруживается, чем в иных его стихах, основные свойства и особенности его таланта: чистота, яркость, народность, простота и выразительность языка. Демьян в совершенстве владеет родным словом, любит его и ценит его плавную напевную звучность, его конкретность, легкость, силу и гибкость.

С русским языком у нас за последние десять-пятнадцать лет принято часто обращаться, как мы, большевики, привыкли поступать с "буржуаями": потряси их побольше - выйдет толк. Невежливое и решительное обращение с буржуазией действительно приносит пользу трудящимся, но из перетряски языка, практикуемой у нас, обычно ничего путного не получается, несмотря на всю решительность новаторов. Наш язык полон архаизмов, но он развивается органически, как растение; новшества прививаются и бывают уместны

#_318

только тогда, когда они не надуманы, не вымучены, не нарочиты. Бывает сплошь и рядом так, что старое звучит по-новому и служит этому новому хорошую службу. Примером может служить язык Демьяна Бедного и вся формальная сторона его творчества. С точки зрения некоторых современных теорий, форма стиха Демьяна Бедного самая что ни на есть архаичная. Демьян пишет по-старинке: нет и в помине изобретенных новых слов, нет их непривычного сочетания; все по старой грамматике. Еще более архаичны образная и сюжетная стороны его творчества. Демьян Бедный щедрою рукой использует народные поверия, сказы, были, сказки, а его басни сплошь антропоморфны: лисы, волки, медведи, львы, овцы, дубы, лягушки, как и полагается им в баснях со времени Эзопа, разговаривают и действуют по-людски. Но, пользуясь архаическими приемами, Демьян дает понять читателю их условность, относительность. Иногда он это делает прямо, без обиняков, в других случаях косвенно, намеком, а в целом здоровый крепкий реализм его творчества всегда предохраняет читателя от всякой зауми.

Прекрасное знание родного слова и любовное, бережное отношение к нему со стороны поэта помогли ему выработать исключительной яркости диалог. Диалог у Демьяна, особенно в баснях, поистине могучий, исконно народный и натуральный, как натуральны поле, река, лес, небо, мужик, репей. Прочнейшими корнями он ушел в наш деревенский быт. Это - живая, настоящая речь: ничего слишком литературного, чересчур грамотного, ученого, никакой эквилибристики, жонглирования словом, никакой игры, самолюбования, когда как будто хотят нарочно обратить внимание: смотрите, как это у меня хорошо сказано. Он могуч, потому что стихийен и прекрасен своей первородной силой, неразложимостью и цельностью. Диалог таков, что его не замечаешь, о нем не думаешь, не стараешься обратить внимание на его особенности. Что про него можно сказать? Кажется, А. П. Чехов нашел превосходным рассказ одной девочки, который начинался таким описанием моря: "Море было большое". В самом деле, море прежде всего большое. Язык и

прежде всего диалог у Демьяна "большой", русский, пушкинский, народный язык.

Простота его языка, однако, не так уж проста. Она дается после самой тщательной и упорной работы над словом. Эта работа производится часто со словарем Даля в руках, с обращением к лучшим образцам народной и классической поэзии; поэту не чуждо знание церковно-славянского языка, русских древних памятников искусства, летописей, грамот, документов. И если вы не видите пота, то это не потому, что его нет, а только потому, что истинный поэт никогда не показывает его в своих произведениях: искусственное должно восприниматься, как естественное, - в этом все дело.

Животный мир у Демьяна живописен, и он его знает. Его куры, барбосы, одры, жуки, шуки, ерши, вьюны, барсы, сурки, хомяки и т. д. использованы в полном соответствии с их природой, олицетворяют то именно, что нужно, действуют в согласии со своими основными свойствами. Отсюда "мораль" басни и сюжетная сторона не запутаны и воспринимаются без усилий.

#_319

Меткость и острота заключения, вывода, в чем заключается главная цель и смысл басни, у Демьяна на должной высоте. Несколько примеров: Медведь-правитель узнал, что его подданные изучают азбуку. Он приглашает лису и берет у нее несколько уроков. Получив некоторое представление о гласных и согласных, он просит ее об'явить:

Что я де грамоте не враг,
Пусть собираются в овраг
И воют ежли что от скуки.
А так как с сутью я знаком,
Чтоб следствий не было опасных.
Не разрешаю звуков... гласных!
Пускай повоют... шепотком!

Это писано в 1913 г., в самый разгар борьбы партии за легальную "Правду".

Кларнет, повстречавшись с Рожком, начал выхваляться, что под его, кларнета, музыку "танцуют, батенька, порой князя и графы". Рожок отвечает:

То так, - сказал рожок, - нам графы не сродни;
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут.

Рожок оказался пророком (басня относится к 1912 г.). Под музыку рожков в 1917 - 1918 годах "заплясали" князя и графы, да еще как!

Мужик где-то раздавил, не то в суде, некоего клопа, забравшегося ему на рукав:

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
А я ни жив, ни мертв. Наморщив потный лоб,

Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
Ну, что как этот клоп -
Казенный?

Помещик пришел в веселый раж от молодняка в своем лесу и стал советоваться со своим кучером Филькой: не взять ли пучок в остратку мужикам:

- М-да, - Филька промычал, скосивши в бок глаза. -
М-да... розги первый сорт...
Молоднячек... Лоза...
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли, да шли - и молодняк подрос.

Помещик задумал стать гипнотизером; купил книг и достиг цели: "любого мужика мог усыпить он в миг". Прослышавши про чудеса, к гипнотизеру собрались соседи. Для опыта усыпили "Емелю конюха". Емеля понес

#_320

вздор про земельку, а когда дело дошло до того, как быть с помещиками, случилось совсем нехорошо:

Емеля взвыл.
Стал у Емели дыбом волос;
И, засучив по локоть рукава,
Такие наш мужик понес слова,
Что гости с перепуга
Полезли друг на друга!

Мужик просит Анчутку во время войны дать взаймы денег: когда кончится с немцем война - он уплатит: "пойдут такие льготы".

Чорт молча слушал мужика;
Все выслушал, вздохнул... и денег не дал...

Барчуки, набрав еловых шишек, наняли крестьянских ребятишек изображать врагов. Деревня перла на пролом: "Жар под микитки", "Бей колом". Барчата взвыли. Взрослые отцы и матери вышли из себя: "За медный грош убить готовы, супостаты". Деревня оправдывается:

Мы платы силой не брали у барчат,
Мы б их избили и без платы.

Очень остроумны замечания личного, так сказать, порядка. Басня "Выродок" кончается так:

Друзья мои, уж я... тово...
Ей богу же меня зовут к обеду,
А после надо отдохнуть.
Так басню я dokonчу как-нибудь...
Когда из Питера уеду...

В "Собачьей доле", посвященной корыстным бабам, поэт, указав, что по народной поговорке против бабы у чорта нет надежней слуги, вставляет замечание:

Так люди говорят. Я б не сказал так смело.
Будь холост я - иное б дело.
А так я вообще... покоем дорожу...

Большинство басен Демьяна не поддается кратким извлечениям. Такие из них, как "Про дохлую кобылу" и др., понадобилось бы выписать целиком, дабы показать их остроту и крепость. Точно так же можно только отметить такие прекрасные сказания, как: "Проклятие", "Болотная свадьба", "Когда же он проснется" и т. д.

Баснописца Демьяна любят сравнивать с Крыловым. Демьян в самом деле связан с Крыловым и с Эзопом, но связан формально только. По содержанию басни Демьяна так же далеки от Крылова, как далека наша эпоха от эпохи "дедушки Крылова". Басни Крылова лишены большого социального содержания, они общежитейского, обывательского характера. Басни Демьяна - острый стилет, которым он наносит удар за ударом злему классовому врагу. Это - насквозь социальная басня.

#_321

Басни его злободневны; в большинстве своем они приурочены к конкретным политическим событиям, но эта злободневность сплошь и рядом соединяется и с широкими художественными обобщениями. Они не ограничены, не исчерпываются ближайшими поводами. В них есть перспектива, они не теряют своей ценности и после, позже, они остаются живыми.

Басни Демьяна требуют отдельных самостоятельных переизданий.

Песни и частушки следует поставить вслед за баснями, хотя они, наверное, больше всего содействовали необыкновенной популярности поэта в кругу рабочих, крестьян и красноармейцев. Недаром Сергей Есенин в стихах "Русь Советская" пишет:

С горы идет крестьянский комсомол;
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Частушки и песни Демьяна Бедного очень напевны, звонки, веселы, "рьяны" и связаны с народным творчеством. Здесь уместно на наш взгляд некоторое отступление. Большинство наших поэтических кружков, направлений, течений, пролетарского толка, не говоря уже о других, находится

в значительной формальной и иной зависимости от литературы последних десяти-пятнадцати лет кануна революции. Декаденты, символисты, акмеисты, имажинисты (эти появились во время революции) влияли и продолжают влиять на творчество поэтов революции. Сказывается в этом, конечно, прежде всего незрелость нашей революционной поэзии, ее молодость: известно, что молодое учится у старого. Беда, однако, в другом. Предреволюционные упадочные школы достигли большого совершенства в изображении, художественной передаче интимных, часто смутных, едва уловимых мимолетных эмоций, их оттенков. Это вполне понятно: изображение узкого круга личных настроений и чувств было единственным, что привлекало и интересовало поэта эпохи декаданса. Зависимость современных советских художников от этой насквозь утонченно-индивидуалистической литературы недавнего прошлого свидетельствует, что индивидуалистическая струя сильна еще и по сию пору. Индивидуализм индивидуализму рознь. Прав тов. Троцкий, отмечая, что перед трудящимися массами только теперь во всю широту и глубину встал вопрос о формировании личности. Учиться передаче своих интимных переживаний - дело не плохое, это помогает и содействует организации личности трудового человека, но дело в том, что индивидуализм предреволюционного времени был, как общее правило, анти-общественен. Подражая искусству этого периода, наши революционные художники невольно "заражаются" и отдают дань былым упадочно-индивидуалистическим переживаниям. Иногда это прикрывается теориями, в которых утверждается, что задача современного революционного художника сводится к изображению нового социалистического человека, его нового мироощущения в противовес ветхому адаму буржуазного строя. А это, в свою очередь, восходит к системе взглядов о пролетарской культуре и пролетарском искусстве. Такие теории, как мы уже не раз утверждали, страдают абстрактностью. Неудивительно, что поиски

#_322

нового человека, поиски совершенно законные, тоже страдают надуманностью, и ими часто вуалируются чувства яческого порядка. Нового человека ищут совсем не там, где надлежит искать его. Тот же, действительно, новый человек, конкретный, революционер, бьющийся со старым обществом, остается либо за пределами внимания художника, либо его изображают плакатно, внешне. Получается дерево, монумент, а не человек. Иным же кажется он вообще неинтересным, слишком будничным, практическим, прозаическим. Очень многие из наших художников стоят в стороне от повседневной революционной борьбы, поэтому и получается, что в их творчестве то-и-дело звучат чуждые, посторонние ноты. По этой же причине они проходят мимо продуктов народного творчества. Оно им кажется слишком примитивным. В этом есть своя последовательность: народное творчество по духу коллективно и является плохим поэтическим инструментом для передачи узко-индивидуальных мотивов.

И, наоборот, Демьян Бедный отнюдь не случайно берет за образцы народную частушку, песню, сказку. Как уже мы говорили, он поэт насквозь общественный, индивидуалистические самоуглубления ему чужды: естественно, что он тяготеет к таким поэтическим формам, которые наиболее

приспособлены к передаче народных массовых настроений; такими являются продукты народного творчества: частушки, песни, сказания и т. д.

Из песен и частушек Демьяна следует отметить и особо выделить: "Казачью песню", "Гулимджан", "Богатырский бой", "Миллиончик-миллион", "Танька-Ванька", "Манифест Юденича", "Жиро-чудак", "Песня (солдатская)", "Плясовая", "Как у питерских господ", "Барыня (окопная)", "О Митьке бегунце" (введение), "Песни народные", "Проводы", "На фронте" и др.

Из повестей в стихах и поэм остановимся на "Земле обетованной", "Царе Андроне" и на сборной поэме "Про землю, про волю". В "Земле обетованной" умело использован один из самых волнующих и прекрасных библейских сюжетов - исход евреев из Египта и их сорокалетнее странствование в пустыне на путях в землю Ханаанскую. Поэма писана в 1920 г., в период острой гражданской войны, разрухи, голода и холода. В соответствии с этим поэт сосредоточил внимание на мясных котлах египетских, к которым тянуло маловерных, неустойчивых, испугавшихся трудностей переходного жестокого времени. Весь сюжет приспособлен к тогдашнему внутреннему и внешнему положению республики. Есть о меньшевиках и эс-эрах, о красном терроре, о золотом тельце и т. д. Очень своеобразное впечатление производят речи Моисея и других библейских большевиков; из'ясняются они по Демьяну Бедному:

Стал словами последними
Разносить Моисей Аарона:
Ах, ты курицын сын, ты ворона!
Что ты тут без меня наварганил!.. и т. д.

"Царь Андрон" - "апокалиптическая повесть", в которой некий проходимец Антон Хмурый в "наитии", продолжавшемся "пол-минутки", прожил "один год, один месяц и одни сутки". Вознесенный наверх кулацкой мужицкой

#_323

стихией, Антон Хмурый свергает большевиков, устанавливает "демократический режим", созывает Учредительное Собрание, которое провозглашает его "законным анпиратором". Об этом царстве демократии, где, на-ряду с Антоном Хмурым, орудуют Мартов, Чернов, Пешехонов, в качестве его прислужников, о порядках в царстве Андрона и о том, к чему привело все это, рассказывается подробно в повести. Повесть построена экспериментально. Кончается дело худо. Народ опять обращается к большевикам. Антона Хмурого выгоняют, при чем помощь оказывают иностранные рабочие, произведшие революцию. Повесть несколько растянута. Совершенно случайны и ненужны выпады против М. Горького, футуристов-диктатористов, орудующих при Хмуром во главе с поэтом Ятаковским.

"Про землю, про волю" посвящена царской войне, Февральской и Октябрьской революциям. Повесть перебивается народными песнями, частушками, баснями, сказками, легко читается и принадлежит к лучшему виду агитационной литературы. Злоключения деревенской пары - парня Вани и девушки Маши - жизненны и типичны. Это своего рода "Одиссея" наших дней.

В общем повести в стихах Демьяна Бедного страдают при всех их обычных положительных свойствах иногда длиннотами, повторениями, они бледнее его басен.

Марши и гимны Демьяна Бедного часто риторичны и прозаичны:

Гнет проклятый капитала
Обрекал нас всех на муки,
Принуждая наши руки
Поднимать чужую новь.

Это просто рифмованные строки, лишенные образной конкретности и обычной красочности языка Демьяна Бедного. В таких гимнах и маршах сила и прелесть демьяновского стиха тускнеет и слабеет. Помимо риторики, прозаизмов и штампа начинают мелькать совершенно несвойственные поэту слова и сравнения:

Не марс нам светит с вышины...
...Символ победного труда... и т. д.

Это не язык Демьяна, в котором обычно нет ни "марсов", ни "символов". Гимны и марши - наиболее уязвимые вещи в творчестве поэта. Надо сказать, что они вообще принадлежат к наиболее трудным видам поэзии. Гимны и марши создаются в моменты редчайшего, могучего и торжественного экстаза, требуют исключительного под'ема, целостности, гармонии и силы чувства и должны соответствовать такому же могучему и торжественному под'ему чувств в массах. Для величественных чувств требуются и величественные, трудно создаваемые образы, особый стиль. Думается, что такой торжественности и величественности в творчестве Демьяна нет. Его талант заострен и отточен на другом: он - гневный изобличитель, сатирик по преимуществу, агитатор, живо откликающийся на все злободневное. Поэтому он невольно подменяет торжественность риторикой, легко впадает в дидактизм

#_324

и старается гневливостью и крепкими словами возместить недостающие экзотичность и возвышенность поэтических эмоций.

Кстати об "агитках" и "грубости" Демьяна. Дидактический, агитационный тон в стихах Демьяна преобладает. Некоторые считают на этом основании, что стихи Демьяна - "не настоящая" поэзия: она тенденциозна и пропитана политической злобой дня. Это - сплошной вздор, естественный, впрочем, в устах врагов, а также в стане парнасствующих эстетов. Демьян - большой и доподлинный художник, но он живет в революционной гуще вместе с рабочей и сермяжной Русью. Русь эта борется за свою долю, борется с ней вместе и Демьян. Русь эта была "тенденциозна", "тенденциозен" был и Демьян. В конце концов, дело не в том, агитка или не агитка данное произведение, а в том, естественно ли, искренно ли оно. "Агитка" плоха, преднамеренна и антихудожественна, если она фальшива в корне, если слова чужие, не свои, если голос наигранный, подделывающийся, если писатель руководствуется принципами - "чего изволите" и "сколько будет заплачено", если он сегодня пишет одни агитки, а завтра с такой же легкостью совсем другие в зависимости

от изменившейся общественной обстановки. Такое произведение "делается", в нем нет сильного искреннего чувства, и часто в таких вещах сквозят презрением и неуважением к аудитории, на которую оно рассчитано. "Агитки" Демьяна ни подо что не подделываются, они проникнуты цельным, полнокровным революционным чувством; они гневны, потому что поэт действительно гневается; они издеваются, высмеивают, ибо смеется и издевается сам поэт; они проникнуты чувством солидарности с рабочими и крестьянами, так как у автора "мужицкий голос" и "мужицкий ум". Они естественны и потому действуют на читателя; далее, "агитки" Демьяна обычно построены на живых образах, они сюжетны. Лучшие из них, как басни, сказания, такие повести, как "Земля обетованная" - образец того, как можно сочетать дидактику с богатыми конкретными художественными изобразительными средствами. Они такие же агитки, как басни Эзопа, Крылова, как поэмы и стихи Некрасова.

Всякому овощу свое время. Мы переживаем сейчас время, когда получилась некоторая возможность углубиться и заняться художественным воспроизведением и изображением былой и текущей действительности. Агитационная литература тоже изменяет свой характер: из боевой она становится все более культурнической и "мирной". Раньше этих возможностей не было, но и теперь художник обязан быть не только воспроизводителем жизни, но и ее учителем, ибо "тенденциозное" время еще далеко не миновало. И не надо забывать, что большие возможности современное художественное слово получило благодаря в том числе и "агиткам" Демьяна Бедного. Нельзя же быть Иванами, не помнящими своего родства.

Деятельность поэта нельзя рассматривать вне времени и пространства, отрывая его от эпохи. Говорят о грубости стихов Демьяна Бедного. Он сам писал: "Мой голос огрубел в бою". Что и говорить: такие выражения, как "гады", "сволочь" и т. д. - грубоваты. Но уха не режут. Опять-таки: время было такое. Грубоватое было время, да и теперь оно не минуло. И ежели

#_325

утонченные эстеты, признанные мастера слова, как Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Бальмонт и многие-многие другие, по выражению Блока, "тявкали, как шавки из подворотни", то почему надлежало быть корректным Демьяну Бедному с голосом мужицким, говорившим раньше шепотком безгласных букв. Потом же, надо было не говорить, а кричать на всю нашу необ'ятную страну, а тут легко не только огрубеть голосу, но и совсем сорвать его. Голоса же Демьяна хватило до самых глухих углов.

Крайне разнообразен у Демьяна род литературных произведений: басни, народные песни, частушка, былинный сказ, народная сказка, поэма, повесть, гимны, марши, сказания, эпиграммы, лирические стихи и т. д. делают расточительное творчество Демьяна цветистым и ярким.

Рифмовка стиха тоже отличается разнообразием, она не затаскана. Пользуясь приемами Демьяна, легко впасть в однотонность, особенно в таких вещах, как "Царь Андрон", где первая строка обычно рифмуется только со второй, к чему Демьян прибегает постоянно. Избежать однотонности тут можно при тщательном соблюдении разнообразия в созвучии слогов на всем протяжении главы. Демьян Бедный соблюдает это правило вполне, он не повторяется. Беру наудачу главу пятую третьей части "Царя Андрона":

Коноваловы - Капиталовы, шут - зовут, Германией - манией, помешанные - бешеные, недосужно - ненужно, веялки - сеялки, косы - росы, поля - суля, бугров - паров, заказы - газы, мины - картины, помада - снаряды, иголок - двуколок, урону - оборону и т. д. Разнообразие в рифмовке соблюдено во всей главе, стих при всей своей простоте и несложности не утомляет слуха. Если бы Демьян отступил от этого правила, повторив несколько раз одно и то же созвучие, например, "аловы", "анией" и пр., эффект получился бы совсем иной.

Главная, однако, заслуга Демьяна в области формы не в этом. Демьян Бедный приблизил стих к простой разговорной речи. Демьян разговаривает, рассказывает, беседует с читателем. В этом огромную услугу оказывает ему умелое пользование диалогом и чистота языка. Стих его демократичен, как демократичен и словарь; - лишен вылощенности, манерности, иностранных слов, зауми. В годы декаданса у нас шло усиленное приспособление поэтов ко вкусам изнеженной и тронутой червоточиной общего упадка буржуазии. Стих уходил от пушкинской народной простоты к бальмонтовской обсахаренности, к северянинской изнеженности, к блоковской воздушности, прозрачности и символической обособленности от народных масс. И не случайно А. Блок в поэме "Двенадцать" обратился к частушке, к уличной песенке, к примитивному грубоватому стиху. Демьян Бедный боролся за это раскрепощение стиха с самого начала своей поэтической деятельности. Его басни в 1911 - 1914 г.г. звучали диссонансом в господствующем поэтическом хору, но лишь потому, что были в поэзии первым набатом надвигающейся новой революции. Их смысл и значение и с формальной стороны сводились к борьбе против "изысков" за демократизм стиха, за приближение его к трудовому народу, за освобождение его от упадочно-аристократических уз.

#_326

Отвернувшись от этих "изысков", от кружковщины наших литературных стоил, кабаков и направлений, Демьян Бедный остался с нашими классиками. В самом деле, Демьян Бедный - решительный и закоснелый старовер в поэзии и по своим приемам, и в значительной степени и по своему содержанию. Эзоп, Пушкин, Некрасов, Крылов - им Демьян сродни в такой же степени, как и народному коллективному безыменному творцу частушек, песен и сказок. Если дальше присмотреться к его излюбленным типам, то и здесь нетрудно установить зависимость от классиков. Все эти Сысои, Гордеичи, отцы Ипаты, Вани, Еремеи, кулаки, генералы, капиталисты хотя и действуют в новой обстановке, хотя у них и новая шкура, но сердце у них все то же. Мы их встречали у Некрасова, у Успенского, у Щедрина, у Короленко и др. Они - старые знакомцы наши по русской литературе. Народническая окраска стихов Демьяна Бедного - употребляя это слово в наилучшем смысле - тоже от старой литературы, от ее лучших традиций. Именно в силу этого благотворного влияния в поэзии Демьяна соблюдена здоровая соразмерность между старым и новым. Из-за нового поэт никогда не забывает недавнего прошлого: гнет царизма, всевластие капиталистов, помещиков и чиновников, безмерно тяжелая доля трудового человека никогда не забываются им. Он знает, как крепко еще старое, как судорожно бьется оно с новым и не устает вызывать призраки и тени его, дабы вновь и вновь запечатлеть их в памяти читателя. Для нового поколения, подраставшего в годы революции и не знающего на практике ни

прежнего гнета, ни удавных петель Рябушинских, Колупаевых и Разуваевых, ни нашей подпольной борьбы, поэзия Демьяна Бедного является превосходным воспитательным средством. По стихам Демьяна наша молодежь узнает, как жилось на Руси раньше, когда не было республики Советов, перенесется воображением в страны, где старые порядки только еще расшатываются, но держатся подчас еще довольно прочно, будет уяснять, что ждет рабочего и крестьянина, если бы наша республика пала под ударами врага; с этими стихами она будет воспринимать лучшее, чем жила наша классическая литература, вдохнет в себя атмосферу нашего подполья, где сформировалась и окрепла наша старая большевистская гвардия.

Творческий путь Демьяна Бедного поучителен для нашей молодой советской литературы. Он показывает всю прозрачность рассуждений о том, что старая классическая литература пригодна только для изучения в качестве исторического материала, что она лишена в нашу пору актуальности. Создавать новые формы в соответствии с новым содержанием - задача почтенная, но, прежде чем создавать, надо основательно усвоить лучшие образцы прошлого. У нас же пытаются создать новое сплошь и рядом вокруг пустого места. В самохвальстве и самоуверенности нашей часто нетрудно разглядеть невежество полужайки: ценности прошлого легко выбрасываются за борт иногда лишь потому, что не научились их ценить. Результаты бывают не веселые: блуждает писатель в поисках читателя, блуждает читатель в поисках писателя. В перл создания возводятся вещи ученические. "А воз поныне там".

#_327

Не все, не всегда удачно у Демьяна. Он слишком расточителен. Есть у него написанное на-спех, не отстоявшееся; есть слишком злободневное, фельетонное, что не будет долго жить; есть риторическое и прозаическое; есть длинноты и повторения; есть излишняя иногда грубоватость языка. Тяжелое впечатление производит такая "игра" Демьяна, как речь его на литературном совещании 9 мая с. г., участие его в процессе С. Есенина, поход против попутчиков. Не след бы Демьяну заниматься такой игрой.

За всем тем, место, занятое им в литературе, прочно, крепко и почтенно, а его роль в приобщении массового нового читателя к пролетарской общественности и к поэзии совершенно исключительна.

Есть два пути, по которым идет поэт в зависимости от среды и духа эпохи. Первый путь - непосредственного художественного отражения эмоций и мыслей поэта, своего "я". Тогда личность поэта раскрывается легко и непосредственно; об этом заботится сам поэт; но тогда затрудняется восприятие мира, ибо он постигается посредственно. Личность поэта на первом плане, мир - на втором. Второй путь - когда поэт растворяет себя в окружающей действительности, в потоке быстро текущей жизни. Личность поэта тогда остается за кулисами: он, как режиссер, во время действия, его не видно на сцене. Мир, действительность постигается легче, личность поэта - труднее. Конечно, и в первом и во втором случаях поэтическая личная "призма" ни на минуту не изменяет своему предназначению и всегда налицо, но в первом в центре - поэт, во втором - мир. Иногда и тот и другой путь сливаются в одну

дорогу. Так, например, было у Пушкина, в творчестве которого личность и мир находятся в состоянии гармонического равновесия.

Демьян Бедный пошел по второму пути. Он растворил свой талант в гуще жизни, свое узко-личное отгеснив на задний план. Тем не менее, поэтический индивидуальный облик поэта выразителен и четок пред читателем. Это - прежде всего наша русская революция, рабочая, но с крестьянским обликом: русская революция в ее национальном разрезе, с ее особенностями. Демьян Бедный - поэт национальный при всем своем интернационализме. Революция у него совершается не в междупланетном пространстве, а у нас, в России в 1917 - 1924 г.г. "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Это "дальше" - наш русский большевик, со всей его классовой непримиримостью, гневом, ненавистью к врагам, со всей чуткостью и спаянностью с самыми бедняцкими слоями трудового народа, со всей насыщенностью социальной атмосферой наших дней, с упорством, волевым напором, напряженностью и уверенностью, что "наша возьмет". Вот облик Демьяна-поэта.

Создаст ли школу Демьян? В том смысле, в каком говорится о школах в наших кружках, он не создаст: он не школьный пророк и вещатель. Таких у нас и без него достаточно. Но школу без школы он уже создал и продолжает создавать - школу народного искусства, обращенного к массовому читателю, школу здорового классического реализма, в противовес замкнутому тепличному искусству предреволюционного прошлого. Писателю, который

#_328

чутко прислушивается к новому читателю, есть чему поучиться у Демьяна.

Думается, что Нэп и новая "передышка" создали некоторую "передышку" и в творчестве поэта. В этом нет ничего удивительного: новые времена, новые песни. Для того, чтобы перестроить "лиру", тоже нужно время:

Кто скажет, что я обманщик?
Я просто слишком был ретив.
Но я, однако, не шарманщик,
Чтоб сразу дать другой мотив.

Но так как "буржуазная Европа, хвативши нашего укропа, однако, все еще живет", то "ретивость" Демьяна еще очень и очень требуется.

Балаклава. Июнь.